

ТРИФИОДОР. ВЗЯТИЕ ИЛИОНА

Т. Л. АЛЕКСАНДРОВА
(ПЕРЕВОД, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПРИМЕЧАНИЯ)

Аннотация: Публикация содержит поэтический перевод поэмы позднеантичного поэта Трифиодора «Взятие Илиона». Трифиодор долгое время считался поэтом «школы Нонна» и его последователем, а время его жизни датировалось концом V — началом VI в. Однако после публикации в 1972 г. Оксиринхского папируса III в. с несколькими строками поэмы Трифиодора стало понятно, что время его жизни сдвигается в III в., и не Нонн повлиял на Трифиодора, а Трифиодор на Нонна, предвосхитив некоторые его стилистические и метрические новшества. «Суда» сообщает некоторые сведения о Трифиодоре, указывая, что жил он в Египте, и атрибутируя ему несколько эпических произведений, из которых сохранилось только «Взятие Илиона». Это небольшая поэма, содержащая 691 стих и основанная на сюжете кратко пересказанной песни Демодока в «Одиссее». Поэму Трифиодора можно назвать «реконструкцией» песни Демодока. Она также близка по содержанию последним книгам поэмы Квинта Смирнского «После Гомера», однако не является парафразом, а скорее самостоятельной разработкой темы. Поэма Трифиодора, по-видимому, была знакома таким христианским авторам, как свт. Григорий Назианзин и свт. Григорий Нисский. На русский язык поэма полностью переводится впервые.

Ключевые слова: Трифиодор, «Взятие Илиона», Гомер, Нонн, эпос, позднеантичная поэзия.

Сведения о поэте Трифиодоре дает «Суда», в которой ему посвящены две краткие заметки. В первой из них (T1111) о нем говорится следующее: «Египтянин, грамматик и эпический поэт. Написал “Марафонские деяния”, “Взятие Илиона”, поэму о Гипподамии, липограмматическую “Одиссею” — это поэма о трудах, понесенных Одиссеем, и о мифах, связанных с ним, — а также другие сочинения»¹. Липограмматическая «Одиссея» представляла собой экспериментальное произведение, где в каждой книге последовательно не использовалась

© Александрова Т. Л., 2021.

Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2021. Вып. 67. С. 99–124.

¹ Suid. T 1111, s. v. Τριφιόδωρος.

та или иная буква: в первой книге альфа, во второй бета и т. д. Известна также липограмматическая «Илиада», составленная поэтом Нестором из Ларанды, которая, видимо, и послужила образцом для Трифиодора. Однако из всех названных сочинений сохранилось только «Взятие Илиона», которое и предлагается вниманию читателя.

Соседняя статья гласит: «Трифидор написал различные эпические поэмы, парафраз гомеровских историй и многое другое»². Видимо, составитель словаря предполагал, что это могут быть разные лица, однако сведения о втором Трифидоре носят самый общий характер и вполне могут быть отнесены к первому.

Написание имени в обеих словарных статьях искажено — Τριφιόδωρος, — в то время как правильная форма написания — Τριφιδωρος, от имени египетской богини Трифиды, почитавшейся в египетском Панополе³, по-видимому, родном городе поэта. Из того же города в V в. вышли два великих поэта — Кир и Нонн. К той же эпохе долго относили и Трифиодора, считая, что он жил позднее Нонна, но раньше Коллуфа, поскольку в языке, стиле и метрике его поэмы прослеживаются общие с ними черты.

Однако в 1972 г. был опубликован Оксиринхский папирус *P. Оху. 2146*, датированный III–IV вв. и содержащий несколько строк из поэмы Трифиодора «Взятие Илиона»⁴. Уточнение датировки резко повысило интерес ученых к этому поэту. Если раньше его считали эпигоном Нонна, то теперь оказалось, что не Нонн повлиял на Трифиодора, а наоборот. Один из издателей «Взятия Илиона» Герло⁵ установил временные рамки от 250 до 350 г.: после Квинта Смирнского, автора крупной эпической поэмы «После Гомера» и Нестора из Ларанды — и до свт. Григория Богослова, который, похоже, знал «Взятие Илиона»⁶. Ф. Виан⁷ более решительно относил его к III в. — после двух Оппианов и Квинта Смирнского. В настоящее время большинство ученых придерживаются именно этой датировки.

Единственное сохранившееся сочинение Трифиодора, «Взятие Илиона», — маленькая поэма, включающая 691 стих и посвященная последним дням Трои.

Содержание поэмы следующее:

После обращения к Каллиопе (1–5) рассказывается о подавленном состоянии, царившем в обоих войсках, перечисляются жертвы (6–39), но при этом подчеркивается, что Илион все еще был несокрушим. Однако прорицатель Гелен, обиженный на сограждан за то, что после смерти Париса Елену отдали в жены не ему, а Деифобу, приходит к ахейцам и рассказывает, что они должны сделать, чтобы победить (40–56). Следуя совету Гелена, ахейцы строят деревянного коня (57–107), затем сходятся на собрание, где Одиссей выступает с речью и предлагает воинам вместе с ним спрятаться в коне (108–151). Далее перечисля-

² Suid. T 1112, s. v. Τριφιόδωρος.

³ Miguélez-Cavero L. *Triphiodorus. The Sack of Troy. A General Study and Commentary*. Berlin; Boston, 2013. P. 3.

⁴ Ibid. P. 4.

⁵ Triphiodore. *La Prise d'Illion* / Ed. B. Gerlaud. Paris, 1982. P. 6–9.

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ Vian F. *L'épopée grecque de Quintus de Smyrne à Nonnos de Panopolis* // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. № 45. P. 334.

ются герои, последовавшие его призыву (152–184). Ахейские вожди скрываются в коне; ахейцы поджигают свой лагерь и отплывают (185–218).

Затем Синон обманывает Приама и прочих троянцев, убеждая их, что конь — дар Афине и его надо ввезти в город, и тогда Троя будет непобедима (219–304). Коня торжественно везут в город (304–37). Кассандра пытается открыть глаза согражданам, но ее не слушают (358–443). Коня водворяют на почетное место в стенах Трои (444–453). Елена по внушению Афродиты отправляется к коню и искушает ахейцев, называя их по именам; Афина, явившись Елене, стыдит ее, и Елена уходит (454–505). Отплывшие ахейцы возвращаются в город (506–549). Спрятавшиеся в коне выбираются наружу; в городе начинается резня (530–612). Менелай и Одиссей приходят в дом Деифоба за Еленой (613–634). Резня в городе продолжается (635–674). Ахейцы грузят награбленное на корабли и отплывают (675–691).

За основу поэт берет эпизод из «Одиссеи», где Одиссей просит Демодока спеть о взятии Трои:

Все ты поешь по порядку, что было с ахейцами в Трое,
Что совершили они и какие беды претерпели;
Можно подумать, что сам был участник всему иль от верных
Все очевидцев узнал ты. Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады создание,
Спой нам, как в город он был хитроумным введен Одиссеем,
Полный вождей, напоследок святой Илион сокрушивших.
Если об этом по истине все нам, как было, споешь ты,
Буду тогда перед всеми людьми повторять повсеместно
Я, что божественным пением боги тебя одарили⁸. (Od. 8, 499–598)

В следующих стихах (Od. 8, 500–520) кратко излагается содержание песни Демодока. В ней говорится о том, как греки инсценировали отплытие из Трои, оставив у стен города коня, в котором скрывался отборный отряд воинов; как троянцы, выйдя из города, стали думать, что делать с конем и наконец решили ввезти его в Трою; как спрятавшиеся в коне воины ночью выбрались наружу и начали резню; как Одиссей отправился к дому Деифоба, сражался там и наконец победил.

Таким образом, видно, что поэма Трифидора представляет собой своего рода «реконструкцию» этой песни, однако Демодок нигде не упоминается. Но это лишь одна из многочисленных «загадок», которыми изобилует его поэма. Такого рода «загадки» (αἵνιγμα, γρίφος) были одной из любимых интеллектуальных игр Поздней Античности: в тексте нужно было угадать не названного по имени героя или понять, откуда заимствован тот или иной поворот сюжета. Итак, поэма Трифидора — образец ученой поэзии, адресованной читателю-интеллектуалу, прекрасно знающему Гомера и не только его. Малый объем поэмы наводит на мысль о ее принадлежности к жанру эпиллия, однако многие ученые избегают этого термина применительно к «Взятию Илиона», поскольку эпиллий — под-

⁸ Гомер. Одиссея. М., 1984. С. 106.

жанр, связанный с каллимаховской традицией, а ей было чуждо обращение к троянскому циклу.

Трифидор не был первым поэтом, решившим написать продолжение «Илиады». Уже в древности была известна поэма «Разрушение Илиона», автором которой называли Арктина Милетского, якобы бывшего учеником Гомера. Впоследствии те же сюжеты разрабатывались в трагедиях (здесь можно вспомнить и «Орестею» Эсхила, и «Филоктета» Софокла, и еврипидовских «Троянок» и «Гекубу», и множество других, не дошедших до нас, произведений). Незадолго до Трифидора Квинт Смирнский написал крупную эпическую поэму «После Гомера». Однако нельзя сказать, что Трифидор пишет парафраз: он дает самостоятельную трактовку мифа, по-своему расставляя акценты.

«Трифидор, конечно, не достигает вершин поэтического совершенства, однако он поэт с собственными идеями относительно Троянской войны, не просто версификатор, который совмещает строки других поэм»⁹, — пишет издательница и исследовательница «Взятия Илиона» Лаура Мигелес-Каверо.

Стоит отметить, что с поэмой Трифидора был знаком, по-видимому, не только свт. Григорий Богослов, но и другой великий каппадокиец — свт. Григорий Нисский¹⁰, что делает знание ее весьма желательным и для исследователя христианской литературы.

На русский язык полностью поэма переводится впервые (ранее публиковались только фрагменты из нее в переводе М. Е. Грабарь-Пассек¹¹).

При переводе использовались издание Лоубовской серии (в версии TLG)¹² и новейшее издание Л. Мигелес-Каверо с обширнейшими комментариями, которые в основном и легли в основу кратких комментариев к этому переводу.

* * *

Битв многотрудных предел, запоздалое их завершенье,
Конское чрево-тайник, создание аргивской Афины¹³
Петь спешащему, мне в пространном повествованье
Каллиоопея¹⁴, сама о древнем раздоре поведай
И ратоборству конец положи стремительной песней.

5

Год круговратный к концу уже приближался десятый,
И одряхла вконец ненасытная в битвах Энио¹⁵,

⁹ Miguélez-Cavero. Op. cit. P. 1.

¹⁰ См. прим. к ст. 255.

¹¹ Памятники поздней античной поэзии и прозы II—V века. М., 1964. С. 56—61.

¹² Oppian, Colluthus, Tryphiodorus / Ed. A. W. Mair. Cambridge, Massachusetts, 1928. P. 580—632.

¹³ К Афине прилагается устойчивый эпитет Геры, особо почитавшейся в Аргосе — ср. П. 4, 8; 5, 908: «Гера Аргивская купно с Афиною Алалкоменою».

¹⁴ Форма имени «Каллиоопея» (изначально — прилагательное от «Каллиоопы») нередко употребляется у позднеантичных поэтов (Orph. Arg. 683; Nonn. Dion. 13, 430 и др.).

¹⁵ Энио — персонификация войны уже у Гомера (Ил. 5, 333; 592—593), этот образ распространен также в эллинистической и позднеантичной поэзии.

Но продолжали бои трояне с данайцами¹⁶. В схватках
Копья устали, мечей угрозы уже не страшили.
Панцирей звон затихал, ослабла свитая крепко 10

Связь щитоносных ремней¹⁷ и, порванная, разомкнулась.
Уж утомились щиты от стука дротиков острых,
Лука спрямилась дуга, рассыпались быстрые стрелы.
Кони ж от битв в стороне в своих заброшенных яслях,
Гóловы вниз опустив, о конях сояремных вздыхали, 15
Или погибших возниц вспоминали с печалью сердечной.
Вот уж Пелид навеки возлег близ мертвого друга,
Нестор-старец оплакал младую ветвь, Антилоха¹⁸.
Самоубийца-Аякс¹⁹ нанес себе страшную рану
И враждебный клинок омыл потоками крови²⁰. 20

Но не одни лишь трояне терзались болью народной,
Гектора смерть вспоминая и путь вокруг города страшный,
Так же союзники — каждый имел для скорби причины! —
Многоязыкую рать поминая, слезу проливали.
О Сарпедоне рыдали ликийцы²¹: его провожала 25

Мать под Трою когда-то, гордясь Зевесовым ложем,
Был он однако сражен копьем Менетиада Патрокла²²,
В час тот слезами кровавыми отчий эфир заструился²³.
И об уснувшем губительным сном той предательской ночью²⁴
Ресе рыдали фракийцы. И помня жребий злосчастный 30
Сына-Мемнона²⁵, небесною тучей лик свой закрыла,
Свет умалив в печальный тот день, пресветлая Эос.
И с Фермодонта²⁶ Аресова в Трою прибывшие жены,

¹⁶ II. 2, 40: 8, 431.

¹⁷ Имеются в виду ремни, на которых носили щиты, такой ремень назывался τελαμών.

¹⁸ Антилох был убит Мемноном, сыном Эос (Od. 4. 185–7).

¹⁹ Версия самоубийства Аякса — послегомеровская, впервые появляется в трагедиях и впоследствии упоминается в поздней эллинистической поэзии (ср. трагедию Софокла «Аякс», упоминания у Оппиана, Квинта Смирнского, Нонна).

²⁰ Ахилл, Патрокл, Антилох и Аякс упомянуты Нестором как лучшие из погибших героев (Od. 3, 108–112).

²¹ Сарпедон — царь ликийцев, сын Зевса и смертной женщины (II, 2, 876–7).

²² II. 16, 462–507.

²³ II. 16, 459–60.

²⁴ «предательской ночью» — δολίην ὕπνῳ νύκτι. Здесь обыгрывается созвучие слова δολίη с именем Долон (троянец, захваченный греками и выдавший расположение войск Реса, в результате чего тот был убит — II. 10. 332–468).

²⁵ Мемнон был убит Ахиллом (II. 11. 1–2, Od. 5. 1–2).

²⁶ Фермодонт — река в Каппадокии, на которой, согласно мифу, располагалась Фемискира, столица амазонок. Ср. QS 1, 18; Nonn. D, 20. 198.

Те, что округлость сосца ²⁷ отсекают отнюдь не по-женски, Горько рыдали о деве воинственной, Пенфесилее,	35
Той, что, вступив в хоровод разноплеменного войска, Женской рукой расточила мужей, как тучу густую ²⁸ , Их оттеснив к кораблям. Но с ясенем вышел навстречу К ней Ахиллес — и, убив, обнажил, и предал погребенью.	
Но нерушимо стоял в броне богосозданных башен ²⁹	40
Град Илион на своих основаниях неколебимых, И в ожиданье гнетущем народ ахейский томился ³⁰ . Верно, устав от усилий последних и ныне б Афина Пот проливала напрасно ³¹ , хотя в трудах неистомна, Если бы, спор проиграв с Деифобом о браке ³² , не вышел	45
Из Илиона пророк чужеземный ³³ , явившись к данайцам ³⁴ , И, Менелая беде сочувствуя, не предсказал бы Он запоздалую гибель своей отчизне родимой. Те же, доверившись ревности злой пророка Гелена Тотчас же стали готовить конец затянувшейся брани.	50
Вскоре со Скироса, город оставив, где девы прекрасны, Сын приплыл Ахиллеса и Деидамии славной ³⁵ . Первым пушком ланиты его еще не покрылись, Силой же в битве подобен отцу был, хоть молод летами ³⁶ .	
Также к данайцам пришла в своем святом изваянье, Хоть и добыча войны, но друзьям подмога — Афина ³⁷ .	55

²⁷ «Округлость сосца» — ὄμφρα καὶ μαστοί. Обыгрывается название амазонок: Ἀμαζών 'безгрудая'.

²⁸ Буквально — «тучу мужей». Сходная метафора у Гомера (Ил. 4, 274; 16, 66 и др.).

²⁹ «В броне богосозданных башен» — θεοδμητῶν ὑπὸ πύργων. Ср. Ил, 8, 519. Согласно мифу, стены Трои при царе Лаомедонте возвели Посейдон и Аполлон (Ил. 7, 452–453, 21, 441–457).

³⁰ Ахейцы уже были уверены, что Троя неприступна и их попытки бесполезны.

³¹ В Ил. 4, 26–27 Гера говорит, что проливала пот, трудясь, чтобы собрать ахейцев на войну.

³² Намерения на брак Елены с Деифобом содержатся в Od. 4, 276, 8, 516–520.

³³ «Чужеземный пророк» — Гелен, сын Приама. У Квинта Смирнского (QS 10, 343–345) Судьба отдает Елену в жены Деифобу, чтобы Гелен покинул Трою и рассказал ахейцам как взять ее; у Трифиодора Гелен покидает Трою сам.

³⁴ У Софокла в «Филоктете» Гелен попадает в плен к ахейцам (Phil. 604–614); та же версия у Аполлодора (Ерп. 5, 9).

³⁵ Прибытие Неоптолема никак не объясняется, однако, по версии Аполлодора (Ерп. 5, 10), его участие было одним из подсказанных Геленом условий завоевания Трои (два других: привезти кости Пелопса или похитить из Трои изображение Афины, Палладий). О том, что Неоптолем воспитывается на Скиросе, упоминается в Ил. 19, 326–327; в Od. 11, 506–537 Одиссей говорит, что сам привез его оттуда.

³⁶ «хоть и молодой воин» — νέος περ ἔνν πολέμιότης — у Гомера наоборот: «хотя и старый воин» — γέρων περ ἔνν πολέμιότης (Ил. 10, 549). В сочетании νέος πολέμιότης Трифиодор обыгрывает этимологию имени «Неоптолем».

³⁷ Речь идет о похищении ахейцами Палладия. Однако ниже, в ст. 647–650, Кассандра обнимает статую Паллады в храме.

Вот уж по воле богини Эпеем³⁸, ее подмастерьем,
 Сделан чудовищный конь³⁹, изваянье, враждебное Трое.
 Лес же рубили на Иде, и после свезли на равнину
 Там же, где прежде Ферекл корабли быстролетные строил⁴⁰ 60
 Для Александра, откуда пошло всех бедствий начало.
 Выдолбил мастер в боку широчайшем полое чрево
 С тем же чудесным искусством, как будто корабль многovesлый⁴¹
 Плотник, измерив отвесом, с обеих сторон закругляет⁴².
 Шею поставил затем, на блестящей груди утвердивши; 65
 Волос смешал золотой с пурпурным⁴³ и сверху приладил,
 И заплескалась над выгнутой шеей свободная грива.
 Голову перехватил он уздой с высоким султаном,
 Вставил в глазницы потом два круглых каменных глаза:
 Сине-зеленый берилл с аметистом кровавого цвета⁴⁴ 70
 Каждый из них сочетал и двумя цветами светился, —
 Сине-зеленым и пурпуром конские очи блистали.
 Выточил из серебра он зубы и челюсть заполнил,
 Будто бы конь грызет удила, сплетенные плотно,
 И по объемному рту открыл пути и проходы, 75
 Чтобы к сокрытым мужам поступал беспрепятственно воздух.
 И чтоб сквозь ноздри струя животворная внутрь проникала.
 А над висками, на самом верху он уши приладил
 Так, как будто они уж слышат трубные звуки.
 Спину и полое чрево связал хребтом он подвижным, 80
 Гладкие бедра затем к блестящему крупу приставил.
 Хвост же спускался до самой земли, свободно спадая;
 Словно лоза виноградом, обременен был кистями.

³⁸ В «Илиаде» Эпей принимает участие в погребальных играх в честь Патрокла (II. 23, 664–699, 836–840). О том, что он построил коня, говорится в «Одиссее» (Od. 8, 492–493).

³⁹ Деревянный конь впервые упомянут в «Одиссее» (Od. 4, 271–289, 8, 492–520 и II, 523–532). Ему также было посвящено несколько сцен в «Малой Илиаде». Конь описывается также в «Энеиде» Вергилия (Verg. A. 2, 13–39). Рассказ Трифидора близок рассказу Квинта Смирнского (QS 12, 45–156). В экфрасисе коня Трифидор ориентируется также на описание идеальной лошади у Оппиана (Cyn. 1, 173–195).

⁴⁰ О том, что Ферекл строил корабли, говорится в «Илиаде» (II. 5, 62–64).

⁴¹ ναῦς ὑμφελοῦσα — буквально «корабль, с двух сторон закругленный» — гомеровский образ (II. 2, 165; 13, 174 et passim). Вариант перевода «многovesлый» (наряду с «обоюдovesельный») встречается у Гнедича.

⁴² Описание строительства коня здесь напоминает описание строительства корабля Одиссеем (Od. 5, 241–62). В дальнейшем экфрасис действия сходен с описанием изготовления щита Ахилла (II, 18, 478–605). В то же время он является как бы ответом на просьбу спеть о коне, обращенную Одиссеем к Демодоксу: Od. 8, 492–493. Можно также провести параллель с созданием Пандоры у Гесиода (Theog. 570–593, Op. et di. 60–105).

⁴³ Пурпур и золото символизируют высокий статус коня как дара: обладать им могут только боги. Возможна аналогия с золочением рогов жертвенных животных.

⁴⁴ Присутствие красного цвета означает скрытую агрессию. У Оппиана кровавый цвет в глазах означает болезнь, бешенство или отравление (Cyn. 3, 220–221).

Ноги от гибких колен отходили, расписанных тонко, И словно вскачь сорваться уж с места были готовы С радостной прытью. Но все же нужда заставляла помедлить. И не остались без бронзы подков роговые копыта, Но черепаховых панцирей кольцами переливались, А где касались земли, там скрепляла их прочная бронза.	85
Тайную дверцу устроил он также и лесенку сделал, Сбоку она прикреплялась к доске, совсем незаметно, И открывала туда и сюда дорогу ахейцам. И разложить, и сложить было можно ее для удобства. Вверх подниматься и вниз опускаться равно позволяла.	90
На белоснежных щеках и затылке крепилась уздечка; Пурпуром чистым сплетенье ремней окрашено было. Там, где подходят к узде удила, — прилажены бляшки. Костью слоновой украсил он их и бронзой блестящей. После ж, когда боевого коня всего изготовил ⁴⁵ ,	95
К каждой ноге прикрепил колесо, чтоб споро вращалось И по равнине послушно вперед коня увлекало, Чтобы легко его было катить по гладкой дороге.	100
Так, возвышаясь, блистал он — красой и ужасом вместе ⁴⁶ . Был и широк, и высок. На нем бы не отказался Ездить сам конник-Арес, когда б живого увидел.	105
Вкруг него стену построили, чтобы никто из ахейцев Не увидел его ранее срока и хитрость не выдал. Но наконец у судов Агамемнона, в стане микенском, Толп избегая людских и шума, подобного морю, Вместе сошлись на общий совет владыки ахейян.	110
Тут же, глашатаю звонкоголосому видом подобясь, Близ Одиссея восстала отважная дева Афина ⁴⁷ , Чтоб примешать к его голосу привкус медвяный нектара ⁴⁸ . Он же, в божественных думах вращая разум могучий, Молча стоял и сначала казался умом обделенным,	115
Очи в землю вперив и взгляд поднять не решаясь. Но, как в уме свою речь породил, так уста он отверзнул, И в тот же миг возгремел, как гроза, и из хлябей небесных Медоточивый излился поток словес безудержных ⁴⁹ .	

⁴⁵ Завершение труда описывается почти теми же словами, что у Гомера завершение труда Гефеста над щитом (II. 18, 614).

⁴⁶ Чувства, внушаемые конем, — аллюзия на II. 19, 13–15, где описывается подобная реакция на оружие Ахилла.

⁴⁷ Афина, принимающая образ глашатая, — ср. II. 2, 280.

⁴⁸ Трифиодор здесь сочетает два гомеровских образа. Ср. II. 19, 352–354, где Афина орошает нектаром и амброзией грудь Ахилла, чтобы он не чувствовал голода, и II. 1, 249, где Нестор, произнося речь, как будто источает мед из уст.

⁴⁹ Одиссей готовится произносить речь и произносит ее в соответствии с гомеровским описанием, вложенным в уста Антенора (II. 3. 216–223).

- Други, убежище видите вы пред собой потайное, 120
 Руки мужей его создали, мысли ж — богини Афины.
 Вы, кто на сильные руки свои всегда полагался,
 Кто дальновидным умом наделен и душой терпеливой,
 Следуйте мне! Ведь похоже, что быть здесь немного осталось, 125
 Изнемогая в бесплодных трудах и старея напрасно.
 Надо нам либо живыми свершить достославное дело,
 Либо погибнуть и с помощью смерти позора избежать.
 Знаменья лучшие мы получили в сравненье с врагами,
 Вы не забыли еще воробьев и древнего змея,
 И на прекрасном платане гнездо, и птенцов кратковечных?
 С матерью вместе свой рок прияли нежные дети⁵⁰.
 Если тогда еще Калхас-старик нам победу пророчил,
 Ныне слова те Гелен подтвердил, перебежчик-гадатель.
 И предсказанье его говорит, что близка уж победа.
 Так повинуйтесь же мне! Давайте в конское чрево 135
 Мы поспешим дерзновенно, чтоб, гибель себе уготовав,
 Сами троянцы сей труд, бесстрашной богини создание,
 В Трою ввезли, на горе себе, судьбе повинуюсь.
 А остальные пускай корабли от канатов отвяжут
 И напускают огонь на ряды палаток плетеных. 140
 Вы, Илионскую землю покинув и берег пустынный,
 Быстро плывите, как будто домой вернуться решили,
 Но до тех пор лишь, пока не прибудете в ближнюю гавань,
 Где, на соседнем собравшись берегу, ждать станете знака,
 После ж вечерний огонь вам укажет, когда возвращаться. 145
 Ну а тогда уж немедля гребцы пусть налягут на весла.
 Пусть не пугает вас призрачный страх, который ночами
 Людям нередко внушает тревога нестойкого духа.
 Каждое племя пускай о прежней доблести вспомнит,
 Доблести не посрамит пусть никто, и каждый воитель 150
 Дар получит, достойный своих колесничных ристаний».
- Так сказав, всех увлек за собой он. И, речи внимая,
 Первым за ним устремляется Неоптолем богоравный, —
 Так молодой жеребенок летит по росистой равнине⁵¹,
 Новою сбруей красуясь, и в быстром беге не слышит
 Окриков грозных возницы, и бич его не достигает. 155
 Неоптолему последовал и Диомед, сын Тидея⁵²,

⁵⁰ Аллюзия на II. 2, 305–330, где рассказывается о явленном в Авлиде знамении с драконом, поглотившим восемь воробьиных птенцов и их мать, и о толковании, данном этому знамению Калхасом.

⁵¹ Сравнения героев с конями есть у Гомера (II. 6, 506–514 — Парис, II. 15, 263–269 — Гектор), но там в обоих случаях используется образ застоявшегося в яслях коня.

⁵² О том, что Диомед был среди воинов, скрывшихся в коне, упоминается уже в «Одиссее» (Od. 4, 280). Ср. у Квинта Смирнского (QS 12, 316).

Им восхищаясь: ведь прежнего тот Ахиллеса напомнил.
 Следом за ним поднялся Кианипп, — его породила
 В браке недолгом своим Комето, Тидеева дочь, 160
 Сына отцу подарив, кратковечному Эгиалею⁵³.
 Встал затем Менелай⁵⁴. Его увлекало стремление
 В бой с Деифобом вступить. Пылал душою суровой
 В жажде скорей отыскать похитителя брака, второго⁵⁵.
 После же встал локриец, Аякс Оилид быстроногий 165
 Был он разумен душой и к девам пагубной страсти
 Уж не питал⁵⁶. За собой увлек он следом другого:
 Идоменея, критян царя, поседевшего в битвах⁵⁷.
 Нестора сын, Трасимед⁵⁸ могучий пошел вместе с ними,
 Также и сын Теламона, Тевкр, стреловец искусный⁵⁹. 170
 Следом за ними Евмел⁶⁰ отправился, коневладелец,
 Отпрыск Адмета. За ним — прорицатель Калхас⁶¹ поднялся,
 Зная уже, что, подвиг невиданный свой завершая,
 В Трою на быстром коне победители въедут ахейцы.
 И не отстали от них, без помощи дело оставив, 175
 Вождь Эврипил Эвемонид⁶², а также славный Леонтий;
 Демофоонт с Акамантом, два сына Тесея могучих⁶³;
 Ортига отпрыск, Антикл, кому умереть предстояло
 Прямо в коне, и кого погребли со скорбью ахейцы⁶⁴.
 И Пенелей, и Мегет с Антифатом, полным отваги. 180
 Ифидамант и Евридамант, оба — Пелия дети;

⁵³ Из повествования Трифиодора явствует, что Кианипп был племянником Диомеда. О нем упоминают Павсаний (Descr. 2, 18, 4–5) и Аполлодор (Bibl. 1, 103, 9).

⁵⁴ Присутствие Менелая в коне засвидетельствовано у Гомера (Od. 4, 271–289).

⁵⁵ Первым «похитителем брака» был Парис.

⁵⁶ В ст. 647–650 будет сказано, что Аякс пытался обесчестить Кассандру, что противоречит сказанному здесь, и, видимо, должно быть приписано временному помешательству.

⁵⁷ У Квинта Смирнского говорится, что Идоменей находился в коне вместе со своим родственником Мерионом (QS 12, 320).

⁵⁸ Трасимед, сын Нестора, несколько раз упоминается в «Илиаде» (II. 9, 81 и др.).

⁵⁹ Тевкр, единокровный брат Аякса Теламонида, неоднократно упоминается у Гомера (II. 12, 370–372). Квинт Смирнский сообщает, что он находился в коне (QS 12, 322).

⁶⁰ Евмел, сын Адмета и Алкесты, привел под Трою одиннадцать кораблей (II. 2, 711–715). Квинт Смирнский упоминает его среди находившихся в коне (12, 324).

⁶¹ О присутствии прорицателя Калхаса в коне больше никто не говорит.

⁶² Эврипил упоминается у Гомера (II. 5, 76).

⁶³ О присутствии сыновей Тесея в коне говорит Квинт Смирнский (12, 325–326). Их приход под Трою связан с тем, что их бабка, мать Тесея, Этра, была похищена Диоскурами и служила Елене в Трое. Но Трифиодор об этом не упоминает. Акамант упоминается еще раз в рассказе о смерти дочери Приама Лаодики (ст. 660–663).

⁶⁴ Антикла среди воинов, находящихся в коне, упоминает Квинт Смирнский (QS 12, 317), но он ничего не говорит о появлении Елены. О том, что Антикл был единственным, кто откликнулся на голос Елены, сообщают Гомер (Od. 4, 285–288) и Аполлодор (Epit. 5, 19), но по их версии Одиссей держал его, пока не миновала опасность. Только Трифиодор более подробно говорит о том, что произошло (см. ниже ст. 476–486).

Луком Амфидамант оснащен был. Самым последним Вышел Эпей, своего же творения мудрый смотритель ⁶⁵ . И, помолившись затем совоокой Зевсовой деве, Все поспешили на конский корабль ⁶⁶ . И тут же Афина	185
Пищу богов им смешала, амвросию, для пропитанья, Чтобы, скрываясь внутри целый день, они не терзались Голодом лютым, и чтобы колени их не ослабели. Так, когда в студеную пору ветров вихреногих, Воздух сгущая, на пашни снег слоями ложится,	190
Тает потом и потоком обильным течет, — водопадом Катится он со скалы, водоворотом кружится, Шум бурливой реки кругом оглашает окрестность. Звери тогда, затаившись под сводами полой пещеры, Тихо, недвижно сидят, всем телом своим содрогаясь,	195
Мучит их голод жестокий, но выхода нет никакого: Ждут терпеливо, покуда закончится ливень обломный. Так и ахейцы, в своем тайнике пустотелом скрываясь, Все неудобства терпели и глаз на миг не смыкали.	200
Наглухо запер тогда коня непраздного чрево Сам Одиссей, затеи коварной верный привратник. Сам же воссел в голове, соглядатаем. И незаметны Были для всех, кто снаружи, два зорких, пристальных глаза. Тут же Атрид ⁶⁷ повелел ахейцам-помощникам быстро Каменное ограждение кирками гнутыми рушить,	205
То, что скрывало коня: решил явить его миру, Чтоб отовсюду краса его взорам мужей открывалась. И по велению царя ограду вмиг разобрали. Гелиос скрылся когда, тенистую Ночь возвращая, И в туманный закат ⁶⁸ увлек стреловежицу ⁶⁹ -Эос.	210
По берегам зазвучали глашатаев громкие клики, Звавшие бегству предаться, спускать на бесплодное море Всем корабли расписные, канаты крепкие резать. Тут же смолистый костер развели посреди побережья И запалили ограду рядами стоявших палаток.	215

⁶⁵ Каталог воинов, скрывшихся в коне, у Трифиодора включает 22 имени. Традиция подобных каталогов восходит к Гомеру. В «Одиссее» упоминается пять имен: Одиссей, Менелай, Диомед, Антикл и Неоптолем. У Квинта Смирнского их тридцать, у Гигина (fab. 108) — девять; в комментарии Евстафия Фессалонийского (Comm. ad Od. 11, 522) упомянуты двенадцать, но сказано, что всего их было сто. В «Малой Илиаде» говорится, что их было тринадцать, у Аполлодора (Epit. 5, 14) — пятьдесят.

⁶⁶ Т. е. во внутренность деревянного коня, похожего на корабль.

⁶⁷ Агамемнон. У Трифиодора в поэме он никак более себя не проявляет. У Квинта Смирнского приказ отплывать отдают Нестор и Агамемнон (QS 12, 337–343).

⁶⁸ ἐς δύσιν ἀχλύόεζαν — ср. у Нонна: ἐς δύσιν ἀχλύόεσσαν (Dion. 4, 195).

⁶⁹ К Эос прилагается регулярный эпитет Аполлона.

Разом на кораблях покинув берег Ретейский⁷⁰,
В тихую гавань приплыли, к могучим стенам Тенедоса⁷¹,
Веслами вспенив лазурный пролив Афантовоу Геллы⁷².

Только один лишь, покинутый, сам наносил себе раны
Сын Эсима Синон⁷³, герой, знаменитый обманом, 220
Скорбь для троянцев лелея и неисчислимые беды.

Так же, когда на кольца силки натянут льняные,
Ловчую сеть для зверей, по горам бродящих, готовя,
Люди-охотники, — кто-то один, от других отделившись,
В чаще лесной средь побегов густых скрывается тайно
И за сетями следит, соглядатай, опытный в деле.
Также и он, с покрытым рубцами и язвами телом,
Трои страшный конец замышлял. И из ран самострельных
По испещренным плечам обильная кровь изливалась.
Возле палаток же ярое пламя всю ночь бушевало, 230
Дым изрыгая густой, клубами рвущийся к небу.

То многошумный Гефест направлял его. И дуновенья
Разнообразные в воздухе бурном сама подгоняла
Матерь огня негасимого, свет несущая Гера⁷⁴.

Вот средь троянок и жен илионских молва зародилась, 235
Многословущая, в сумерках утра пришла предрассветных,
И возвестила, что бегство врага этот дым знаменует.
Тотчас, засовы ворот повернув, распахнули их настезь;
Конные, пешие — все на равнину скорей устремились,
Думая, нет ли какой тут хитрости новой ахеян. 240

Тут же, в повозки впрягая мулов быстро бегущих,
Вместе с Приамом-царем из стен городских выезжали
Старцы народные. И с облегченьем они воздыхали,
Видя детей, кого пощадил Арес-всегубитель,
Мысля о старости освобожденной. Но только недолго 245
Радость продлилась: так, видимо, Зевсу было угодно.

Те удивлялись, коня изваяньем любясь блестящим,
И не скрывали восторга, — так точно стрекочут сороки,
Видя парящего в небе орла на крыльях могучих⁷⁵.
Так в смятенье они не знали, на что и решиться. 250
А у других, уставших от бедствий тяжких военных,

⁷⁰ Ретейский берег упоминается у Квинта Смирнского как место погребения Аякса (QS 5, 655–656).

⁷¹ Тенедос — остров близ Троады. Эпитет *εὐοτέφαιος* обычно прилагается к городам, в переводе сохранено это противоречие.

⁷² Геллеспонт.

⁷³ Синон не упоминается у Гомера. Его имя появляется в эпической поэме «Разрушение Илиона». Существовала также трагедия Софокла «Синон». Ср. у Вергилия (Aen. 2, 77–144).

⁷⁴ Аллюзия на эпизод у Гомера (II. 12, 334–337), где Гера побуждает Гефеста выступить против речного бога Ксанфа. Однако здесь Гера — аллегория воздуха.

⁷⁵ Сходные сравнения с птицами есть у Гомера (II. 16, 582–583; 17, 755–757).

Ненависть конь возбуждал — ведь был он созданием ахейян.
 Те уж хотели его оттащить к обрывам высоким,
 Или секирами острыми вмиг разбить его в щепы.
 Третьи, искусство ценя, касаясь поверхности гладкой⁷⁶, 255
 В дар посвятить боевого коня бессмертным просили,
 Чтобы потомкам напоминал о брани аргивской⁷⁷.
 И пока спорили все, внезапно пред ними явился
 Муж нагой, весь избитый, с покрытым шрамами телом.
 Страшные кровоподтеки несякнувшей влагой сочились,
 Вднулись рубцы, ремня нанесенные быстрым ударом.
 Бросившись тотчас к Приаму, у ног в просительной позе
 Сел и колена его обнимал, с мольбой припадая.
 Высказать просьбу решившись, коварное слово промолвил:
 «Если меня, ахейцев попутчика, ты пожалеешь, 265
 То избавителя Трои спасешь и всех ее граждан,
 О Дарданид-скиптродержец! Я злейший враг всех ахейян!
 Вот как меня искалечили, хоть и ни в чем не повинен,
 Не устыдившись богов, всегда жестокие, злые!
 Так же добычу похитили у Эакида Ахилла; 270
 Бросили так же они Филоктета с укусом змеиным.
 Так самого Паламеда, любимого всеми, убили.
 Ныне же вот что, бесчестные, сделали! В бегство пуститься
 С ними я не пожелал, и товарищей звал оставаться.
 Те же, безумием горьким объятые, ринулись разом 275
 Все на меня, и, одежды сорвав, отхлеставши ремнями,
 Бросили на берегу, избитого до полусмерти.
 Ты же, блаженный, побойся хоть Зевса-Гостеприимца!
 Повода ты не давай аргивянам для радости злобной:
 Не попусти, чтобы мне от рук троянцев погибнуть. 280
 Я же для вас поручителем стану надежным, что больше
 Вам не придется бояться войны и возврата ахейцев».
 Так он сказал. И приветливо старец в ответ ему молвил:
 «О чужеземец! Теперь ты с троянцами, и для тревоги
 Нет уж причин: ты избавлен от дерзости буйной ахейцев. 285
 Будешь нам другом всегда. Никогда тосковать ты не станешь
 Ни о родимой земле, ни об убранных пышно чертогах.
 Только скажи мне теперь, что за дивное диво я вижу,
 Что означает ужасный сей конь? А также поведай
 Имя и род твой. Откуда тебя корабли принесли к нам?» 290
 И, ободрившись в душе, отвечал герой хитроумный:
 «Не утаю ничего! Рассказать и сам я желаю.
 Аргос — мой город родной, зовусь от рождения Синоном.

⁷⁶ Прилагательное *νεόγετος* («свежевыскобленный») помимо этого места у Трифидора встречается только в одном письме свт. Григория Нисского (Ер. 20, 10).

⁷⁷ Троянцы, естественно, не называют войну «тройанской», для них она «аргивская».

А престарелый отец мой — Эсим, так его называют. Ну, а коня баснословного сделал Эпей аргивянам.	295
Если его вы оставите здесь, за стенами Трои, То суждено ей богами копьем ахейским быть взятой. Если же образ святой Афине в храм посвятите, В бегство пустившись, они ни с чем домой возвратятся.	
Ну-ка, давайте, скорее его оплетите цепями! Пусть на акрополь великий отправится конь златоуздый! Вас же Афина, защитница города, пусть направляет Хочется ей и самой получить приношение такое» ⁷⁸ .	300
Так он сказал. И кому-то уж царь приказал, чтоб скорее Хлену ему принесли и хитон ⁷⁹ . А другие ремнями Кожи воловьей обвили коня и плетеным канатом, И покатали его по равнине на быстрых колесах, Храбрых воителей полного. А между тем предворяли Флейты его и форминги, согласной звучащие песней.	305
О несчастное племя несмысленных смертных! Неведом Сумрак грядущего им. В пустом веселии часто Не замечают они, как близко гибель подкралась! Так и с троянцами в час тот Безумие шло роковое, Будто вакханка в толпе ⁸⁰ . И никто из мужей тех не ведал, Сколь стремительно к ним приближается горькое горе.	310
И, обрывая цветы с берегов потока росистых, Свежесплетенным венком своего увенчали убийцу. И от веса коня проседая, земля восстенала Под колесом, и железные оси от тяжкого груза Звук издавали пронзительный в трении тяжком металла.	315
И сочлененья канатов трещали, и цепь, натянувшись, От напряжения страшного черный дым выпускала. Крики и шум раздавались людей, громаду ташивших, Шелест священных дубов разносился над Идой тенистой, В русле быстрогобегущего Ксанфа вода клочкотала,	320
И Симоэнт, с ним сливаясь, бурлил. И в высях небесных Зевса труба вострубила, войны приближение пророка.	325
Так вперед они шли. Была нелегкой дорога: Там разрезали потоки ее, тут холмы вырастали. Следовал конь быстроходный ко бранелюбивому храму, Славою гордый, и силы ему придавала Афина, Мощной толкая рукой резные конские бедра. Так быстрее стрелы летел он неудержимо,	330

⁷⁸ Ср. речь Синона у Вергилия (Аен. 2, 69—194). Характерно, что у обоих поэтов Синон представлен как хороший оратор.

⁷⁹ Аллюзия на Гесиода, который советует зимой надевать хлену (теплый плащ) и хитон — см. Op. et d. 536.

⁸⁰ Имеется в виду *κῆμος* — веселая процессия в честь Диониса. Ср. далее (ст. 561).

Вопль подняла и носилась по городу, и не внимала
 Уж ни друзьям, ни родителям, стыд оставив девичий.
 Нет, не сравнить ее даже с фракийской в рощах дремучих,
 Той, которая, вняв Дионисовой флейты напеву, 370
 Мчится в безумном наитии божьем и, взором блуждая,
 Простоволосая, плющ темнолистный в венок завивает.
 Так, как будто умом воспарив на крылах вдохновенья,
 В божьем безумье ярилась Кассандра, терзая густую
 Гриву волос и бия себя в грудь, как менада, вопила: 375
 «О злополучные, стойте! Куда коня вы ведете?
 Демоном злым пленены, не к своей ли последней спешите
 Ночи, к пределу войны, чтоб сном уснуть беспробудным?
 То! Как видно, становится явью
 Сон злосчастной Гекубы⁸⁶, виденье в муках родильных, 380
 Вот уж настал долгожданный тот год, войны окончанье.
 Воинов лучших отряд грядет, которых на радость
 В блеске доспехов, под черным ночи покровом громадный
 Конь породит⁸⁷. И тут же немедля, спрыгнув на землю,
 В битву ужасную вступят бойцы, умудренные в войнах. 385
 Женщин не будет при муках родильных коня боевого,
 Новорожденным мужам не нужны и руки помощниц, —
 Та, что коня создала, при нем Илифией пребудет,
 И, пути проложив из его отягченного чрева,
 Клич издаст боевой повивальная бабка — Афина⁸⁸. 390
 И разольется в тот час под защитой башен могучих
 Море пурпурное крови, поднимутся волны убийства.
 Брачными узами станут тогда кандалы и оковы
 Женщин несчастных, и вырвется пламя из тайных убежищ.
 О моя лютая скорбь, о ты, отеческий город! 395
 Весь ты повергнешься в прах, создание сгинет бессмертных.
 До оснований разрушатся Лаомедонтовы стены⁸⁹.
 Плачу о вас я, о мать и отец, о, сколько обоим
 Вам претерпеть суждено! Ты, отец, жестоко убитый,
 Пред алтарем великим падешь Геркейского Зевса⁹⁰. 400
 Мать благочадная! Боги тебя, потерявшую разум

⁸⁶ Гекубе приснилось, что она родила Эриннию, несущую факел, или просто горящий факел. Впервые этот сюжет упоминается у Пиндара (Paeanes fr. 52 I (A), 17–23).

⁸⁷ Метафора рожающего коня впервые появляется у Эсхила (Agam. 825), потом у Еврипида (Tr. 11, 519–521, 534), у Ликофона в трагедии «Александра» (Alex. 842. ἰπλοβρότους ὠδῖνας οἴξαιτος τόκων). У Оппиана (Hal. 2, 668) «повивальной бабкой войны» именуется Эрида.

⁸⁸ Пророческий взгляд Кассандры на роль Афины контрастирует с суждением ее отца, который видит в богине защитницу города (ср. ст. 302).

⁸⁹ См. сноску 29.

⁹⁰ Геркейский Зевс — хранитель огражденных мест. Ср. Od. 22, 335. Т. е. Приам убит там, где должен быть храним Зевсом.

Из-за детей, и вида лишат, превративши в собаку⁹¹.
 О Поликсена прекрасная, вскоре в отчизне родимой
 Слезы пролью о тебе⁹². И лучше было б мне тоже
 Вслед за тобой от руки аргивянина сразу погибнуть. 405
 Ибо зачем мне и жить, если ждет меня худшая доля?
 Страшную смертью умру и в землю лягу чужую.
 Вот что за дар госпожа и мне, и царю уж готовит.
 За многолетний свой труд Агамемнон получит награду⁹³.
 Что мне еще говорить? Претерпев, все узнаете вскоре. 410
 Облако лжи, помутившее разум, мгновенно растает.
 Лучше рассечь топорами коня объемное чрево
 Или огнем запалить⁹⁴. И пусть тела кознодеев
 Разом погибнут в огне на великое горе данайцам!
 Вот когда будете вы пировать и водить хороводы, 415
 Время настанет поставить и чаши свободы любезной».
 Так говорила она, но никто не послушал: ее ведь
 Сам Аполлон наградил прорицаньем, но отнял доверье⁹⁵.
 Тут же отец, пригрозив, на нее обрушился с бранью:
 «Что за злой демон тебя, лжепророчица, вновь подстрекает?
 Песья ты муха бесстыжая! Тщетно тут лаешь и воешь!
 Не надоело тебе носиться в потере рассудка?
 Мало самой до сих пор бесчинств твоих, все не наелась?
 Вот и теперь ты явилась нам портить радостный праздник,
 В день, когда свет воссиял для всех желанной свободы 425
 Волею Зевса Кронида. Ахейн флот он рассеял.
 Больше не будут ни копья грозить нам, ни лук тетивою.
 Больше мечи не сверкнут, умолкнут быстрые стрелы.
 Лишь хороводы, да муз сладкозвучное пенье! Ни браней,
 Ни материнского вопля над сыном, ни плача супруги,
 Мужа на бой проводившей, теперь же — горькой вдовицы. 430
 Конь направляется в храм градодержщицы мощной, Афины.
 Ты же, бесстыжая девка, зачем-то вышла из дома
 С лживым пророчеством к нам и своим помешательством диким,
 Всем докучаешь стенаньем и город святой оскверняешь. 435
 Прочь уходи! А нам предоставь хороводы и пляски.
 Более страха и ужаса нет под стенами Трои,

⁹¹ Пророчество о превращении Гекубы в собаку у Еврипида произносит ослепленный ею Полиместор (Нес. 1259–1273). Этот сюжет присутствует также у Овидия (Met. 13, 565–575) и Квинта Смирнского (QS 14, 565–575).

⁹² О гибели Поликсены см. ниже, ст. 686–687.

⁹³ Пророчества Кассандры о своей судьбе приводят также Эсхил (Agam. 1072ff) и Еврипид (Тг. 353–64, 445–50).

⁹⁴ У Трифидора Кассандра ограничивается речами, в то время как у Квинта Смирнского она пытается поджечь коня (QS 12. 567–575).

⁹⁵ О том, что Аполлон оставил Кассандре пророческий дар, но сделал так, что ей перестали верить, ср. у Эсхила (Agam. 1202–1212), Ликофрона (Alex. 352–355, 1454–1460).

- Плач заунывный пророческий твой нам больше не нужен». Так сказав, повелел увести непокорную деву И в чертогах закрыть⁹⁶. Она же отцу с неохотой 440 Повиновалась, и пав в чертогах на девичье ложе, Плакала, зная судьбу свою горькую. Уж пред очами Видела ярое пламя — пожар полыхавшей отчизны.
- А в это время во храм защитницы Трои, Афины, Конь был ввезен и на каменных гладких ступенях поставлен. 445 На алтарях благовонных сжигали жертвы святые, Только бессмертным богам не нужны были те гекатомбы. Правили пир всенародный, и гордость их переполняла, Гордость, которая даже похмелье собой облегчает. 450 Всех легкомыслие вмиг охватило и в радости пьяной Не позаботился город о том, чтоб выставить стражу. Вот уж светило зашло и с высшего неба низверглась На Илион непроглядная тьма всегубительной ночи.
- Тут, утруждая прекрасное тело, к Аргивской Елене Прямо в чертог Афродита пришла, искусная в кознях⁹⁷. 455 И, обратившись по имени, так убеждать ее стала: «Милая нимфа, супруг-Менелай тебя призывает, Скрыт в деревянном коне он, и вместе с ним затаились Те же вожди, что когда-то руки твоей страстно искали. Но отправляйся! Нет дела тебе до старца Приама, Ни до троян остальных, ни даже до Деифоба. Ныне вручаю тебя Менелаю, страдавшему много». Так сказав, отлетела богиня. Елена ж, коварным Вняв обещаньям, чертог оставила благоуханный⁹⁸, 465 Следом супруг Деифоб отправился. И уходящих Жены троянские длиннохитонные их увидали. Высоковерхого храма Афины Елена достигла. Остановилась, на облик дивясь коня-исполина. Трижды его обошла и всех аргивян взволновала, По именам называя супруг их прекрасноволосых 470 Голосом нежным. Они же внутри терзались душою, С болью безмолвной в груди сокрывая горячие слезы. Вот вздохнул Менелай, услышав о Тиндареоне⁹⁹, И прослезился Тидид, вспоминая про Эгиалею, Вздрогнул и сам Одиссей, о Пенелопее услышав. 475 И Лаодамии имя пронзило сердце Антикла,

⁹⁶ О том, что Кассандру заперли дома, пишет также Ликофрон (Alex. 349–351, 1461–1462).

⁹⁷ Весь эпизод является парафразом рассказа Менелая в «Одиссее» (Od. 4. 274–289). Менелай предполагает, что Елену побудило сделать это божество, враждебное ахейцам. У Трифиодора это Афродита.

⁹⁸ Историю с попыткой Елены вызвать ахейцев из коня в Одиссее рассказывает Менелай (Od. 265–290).

⁹⁹ О Елене.

Он лишь один отозваться хотел и уста отверзал уж,
 Но Одиссей руками обеими рот ему стиснул,
 И замолчать приказал тому, кто чуть их не выдал,
 Челюсти накрепко сжал, наложив нерушимые узы, 480
 И неотступно держал. А тот махал лишь руками,
 Освободиться от пут тишины мертвящей пытаюсь,
 Но пресеклось в нем дыхание жизни¹⁰⁰. И все остальные
 Мужа-ахейцы о нем проливали тайные слезы.
 В полом конском бедре положили его незаметно, 485
 Похолодевшее тело закутав бережно в хлену.
 И не один бы погиб от коварства женщины, если б,
 С высшего неба слетев, грозноокая ей не предстала
 Дева-Паллада и не прогнала из любезного храма.
 Только одной и явившись, вещала голосом твердым: 490
 «О малодушная, будешь доколе страстям подчиняться,
 Ложа чужого искать и слушать наветы Киприды?
 Ты никогда ведь ни мужа, ни дочь свою не вспоминала.
 Что Гермiona тебе? Иль все помогаешь троянцам?
 Скройся в чертоги высокие, в спальню вновь возвращайся, 495
 Лучше светильник зажги в ожидание ахейского флота».
 Так говоря, уничтожила женские козни пустые.
 Та в чертог побрела. А троянцы от плясок веселых
 И хороводов устав, погрузились в сон непробудный.
 И отдыхала форминга, а рядом усталая флейта 500
 Рядом с кратером, и множество кубков валялось разлитых,
 Что, из расслабленных выскользнув рук, попадали на пол.
 Ночи подруга, безмолвная тишь, воцарилась над градом,
 Не было слышно и лая собачьего. Но в тишине той
 Уж затаилось дыхание смертоубийственной брани. 505

Вот уж на чашу весов троянцам гибельный жребий
 Зевс положил, управитель войны, перевесив ахейский¹⁰¹.
 Из Илиона отправился в Ликий тучную землю
 Феб-Аполлон, вздыхая о стенах троянских великих.
 Тотчас от самой могилы Ахилла знак аргивянам 510
 Подал Синон, воссветив в темноте пылающий факел.
 И во мраке ночном из чертога в окно показала
 Милая видом Елена златой мерцающий светоч.
 Так, когда в небе луна, что полна огня голубого,
 Весь небосвод золотит своим блистающим ликом. 515
 Нет, не тогда, когда месяца рожки и остры, и тонки,
 И первый раз он восходит на небо сквозь сумрак туманный, —
 Нет, но когда, закругляясь, подобно блестящему оку,

¹⁰⁰ У Гомера говорится, что Одиссей зажал Антиклу рот, но не говорится о том, что он его задушил (Od. 4, 286–289).

¹⁰¹ Жребий.

¹⁰² Терапны — город близ Спарты, где существовал культ Елены и Диоскуров. Согласно Павсанию, там находились могилы Елены и Менелая (Paus. 3, 19, 9).

¹⁰³ У Квинта Смирнского возвращающимся ахейцам помогает Фетида (QS 13, 63–64).

¹⁰⁴ В рассказе о захвате Трои Трифиодор следует Квинту Смирнскому (кн. 13), однако не повторяет его рабски и ориентируется также на Аполлония Родосского (кн. 4).

¹⁰⁵ Рассказывая о жертвах сражения, Трифиодор отдельно говорит о женщинах, отдельно о мужчинах (ст. 574–595). Женщины, игравшие важную ритуальную роль в торжестве, посвященном введению коня в Трою, становятся первыми жертвами битвы.

Чревом напрасно страдая и муки терпя родовые,
 И, отстрадав, вместе с чадами сами дух испускали.
 В городе целую ночь, точно буря, кругом бушевала,
 С ревом протяжным вздымая валы губительной брани, 560
 Допьяна чистою кровью напившись, вакханка Энио¹⁰⁶.
 С нею Эрида возвысив главу до самого неба,
 В бой аргивян направляла, и с ними Арес-душегубец
 Поздно, но все же пришел с переменчивой славой победы,
 Чтобы данайцам вручить и подать долгожданную помощь. 565
 С крепости вышней послышался клич синеокой Афины,
 Мощно вздымавшей эгиду, Зевесов щит, ну, а Гера,
 Восколебавшись, эфир сотрясла¹⁰⁷. И земля загудела,
 Как Посейдон трезубцем ее привел в содроганье.
 И, устранившись, Аид из царства подземного вышел, 570
 Чтоб поглядеть, не сражен ли Зевесовым гневом великим
 Род человеческий, и не Гермес ли все души низводит¹⁰⁸.
 Все смешалось кругом, над всем царило убийство.
 К Скейским воротам бежали одни, на спасенье надеясь,
 Но настигала их гибель и там. А кто-то, проснувшись, 575
 Меч свой ища в темноте, на чужое копьё натыкался.
 Кто-то, в чертоге тенистом скрываясь, увидев внезапно
 Рядом с собой чужака, к себе подзывал дружелюбно,
 Другом считая его, но встречался с врагом беспощадным,
 Гостеприимством погублен своим. А кто-то на крыше, 580
 Не увидав ничего во мраке, стрелую сражен был.
 Были и те, кто, вином отягчась на общей пирушке¹⁰⁹
 В горнице, слышали шум и в испуге спуститься спешили,
 Но, поскользнувшись на лестнице, вниз по ступеням летели,
 И, ничего понять не успев, со сломанной шеей 585
 Падали на пол, в предсмертных мученьях вино изрыгая.
 Многие, вместе собравшись, всем скопом и погибали
 В битве неравной; другие, спасаясь бегством на башни,
 Прыгали с них, и смертельный прыжок в Аид уносил их.
 Были такие, кто в расщелинах тесных, как будто бы воры, 590
 Прятались в страхе, — была безразлична им гибель отчизны.
 Кто-то, как будто средь волн, продвигаясь во мраке сквозь битвы,
 Не на бегущего — на уходящего больше похожий,
 Падал, сразившись с врагом. Весь город залит был кровью,

¹⁰⁶ Уподобление расправы над троянцами пиру есть у Квинта Смирнского (QS 13, 127–130). Образ вакханки-Энио появляется также у Нонна (Dion. 17, 319).

¹⁰⁷ Аллюзия на II. 8, 199, где Гера, «восколебавшись на троне», сотрясает Олимп.

¹⁰⁸ Согласно эпической традиции, боги принимают участие в битве (ср. у Гомера, песнь 20-я — «Битва богов»).

¹⁰⁹ У Квинта Смирнского 13-я книга начинается с хвастливых речей пирующих троянцев (QS 13, 1–19).

- Лучших мужей потеряв, — обрета в изобилии мертвых. 595
 Не было тут никому пощады. Как будто безумье
 Всех обуяло, носились кругом в исступленье бессонном,
 Даже богов не стыдясь. В святотатственной сече кропили
 Кровью и сам алтарь божества, страстям непричастный. 600
 Старцев трепещущих без сострадания жизни лишали,
 Те на ногах не держались уже, но, пав на колени,
 Руки в мольбе простирая, склонялись седой головою¹¹⁰.
 Также невинных младенцев, схватив, похищали насильно
 От материнской груди, и те сполна заплатили 605
 За прегрешенья родителей. И молоко истекало
 Тщетно из полных сосцов: кормить уж некого было¹¹¹.
 Хищные птицы и псы кружили по городу всюду,
 В воздухе иль на земле — но пиршество общее было.
 Пили черную кровь и страшную пищу вкушали. 610
 Клекот одни издавали, другие — вой заунывный
 Возле растерзанных тел мужей; беспощадно их рвали,
 Не понимая, что трупы хозяев своих пожирают.
- А между тем в чертог Деифоба, плененного страстью
 Двое пошли: Одиссей с Менелаем прекрасноволосым¹¹². 615
 Точно свирепые волки, которые ночью ненастной
 К стаду овец, защиты лишенных, тихо крадутся
 И истребляют все то, что пастырь долго лелеял.
 Было их двое всего, но храбро в схватку вступали
 С превосходящими их числом, и новая битва 620
 Возле дверей завязалась: одни нападали, другие
 Сверху кидались камнями и быстрые стрелы пускали.
 Но, как тараны, свои могучие головы сдвинув
 В непробиваемых шлемах, щиты вперед выставляя
 В дом они все же прорвались. И всех, кто вышел навстречу, 625
 Точно пугливых зверей, Одиссей уложил одним махом.
 Тут же Атрид, с другой стороны пустившись в погоню
 За Деифобом, настиг и, в живот ему меч погрузив свой,
 Выпустил печень наружу и скользких кишок сочлененья.
 Так он простерся, забыв о прежних конских ристаньях, 630
 А к Менелаю явилась жена, добытая в битвах,
 Радость ее наполняла, что бедам предел уж поставлен,
 Но и терзал ее стыд. И поздно, как будто проснувшись,
 Втайне вздохнула она о своей отчизне любимой.

Неоптолем же тогда Эакид удрученного горем

¹¹⁰ Убийство старцев, принявших позу молящих, должно было навлечь на ахейцев гнев Зевса Гикесия («Зевса молящих»).

¹¹¹ Гибель младенцев предрекает в своей речи Приам в «Илиаде» (II. 22, 63–64).

¹¹² Этот эпизод упоминает Демодок в «Одиссее» (Od. 8, 516–520). Он также присутствовал в поэме «Разрушение Илиона».

Старца-царя заколол в ограде Геркейского Зевса, 635
 Чужд состраданью отцовскому. Он ни мольбы не услышал,
 Ни седины не почтил, хоть ровесником старцу Пелею,
 Был тот, и некогда видом своим жестокое сердце
 Уж приклонил Ахиллеса, забыть заставив о гневе.
 Но и ему, злополучному¹¹³, жребий готов был подобный¹¹⁴: 640
 У алтаря Аполлона, вещателя истины, позже
 В миг, когда он дерзнул оскорбить святилище бога,
 Муж дельфийский его заколол кинжалом священным¹¹⁵
 Тут же, увидев, как с башен высоких рукой Одиссея
 Пущен, как будто стрела, Астианакс кратковечный, 645
 Как он, вращаясь, летит, — Андромаха горько завывала¹¹⁶.
 Быстрый Аякс Оилеев нанес обиду Кассандре¹¹⁷, —
 Дева укрыться пыталась у ног пречистой Паллады.
 Вмиг пресекла насилие богиня, и за прегрешенье
 Воина лишь одного аргивяне защиты лишились. 650
 А Афродита похитила тайно Энея с Анхизом,
 Сына жалея и старца, и прочь увела от отчизны
 К дальней Авзонии¹¹⁸ — так совершалась воля бессмертных,
 Ибо и Зевс пожелал, чтобы мощь пребывала вовеки¹¹⁹
 Вместе с детьми Афродиты, богини бранелюбивой. 655
 Род и потомство меж тем божественного Антенора¹²⁰,
 Гостеприимного старца, Атрид от смерти избавил, —
 Не позабыл он трапезы той радушной, какую
 В доме ему приготовила кроткая сердцем Теано¹²¹.
 Ну, а тебя, Лаодика злосчастливая, близко от дома 660
 В лоно свое приняла земля, внезапно разверзшись.
 Нет, ни Тесеев сын Акамант, ни другой из ахейн

¹¹³ Неоптолеу.

¹¹⁴ До Трифидора гибель Неоптолема с убийством Приама связывает Пиндар (Paeanes fr. 52f. 112–117).

¹¹⁵ ἰερῇ κατέτεφνε μαχαίρῃ, — по одной из версий, представленной, в частности, у Аполлодора (Ерп. 6, 12–14), убийцу Неоптолема звали Махерей, так что слово «кинжал» указывает на его имя.

¹¹⁶ Смерть Астианакса предсказана Андромахой в «Илиаде» (II. 24, 734–735), о ней говорится и в «Разрушении Илиона».

¹¹⁷ Об оскорблении, нанесенном Кассандре Аяксом Оилидом, впервые говорится у Алкея (fr. S262с, 6–7). О нем также говорится у Вергилия (Аен. 2, 403–406) и у Квинта Смирнского (QS 13, 420–429).

¹¹⁸ К Италии.

¹¹⁹ Пророчество о том, что Эней будет царствовать над троянцами, в «Илиаде» произносит Посейдон (II. 20, 300–308). О его бегстве из Трои рассказывалось в «Разрушении Илиона». Ср. также у Вергилия (Аен. 2, 589–804).

¹²⁰ Антенор — советник Приама. В «Илиаде» он вспоминает, как когда-то принимал у себя Одиссея и Менелая (II. 2, 203–207).

¹²¹ Теано — жена Антенора, жрица Афины (II. 6. 297–300).

В плен тебя не увел, умерла ты в отчизне родимой ¹²² . Все же несчастья той ночи воспеть мне бы сил не хватило, Если б решился подробно я их описать по порядку.	665
Музам лишь труд тот под силу, а я, как будто наездник, Видя предел, погоняю коня стремительной песни. А на востоке меж тем, покинув край Океана, Свет белоснежный разлив во всем просторе широком, Ночи убийственный мрак прогнала колесничница-Эос.	670
И, прославляя победы желанной приход, отовсюду В город сбегались, ища, не укрылись ли где в закоулке, Те, кого до сих пор не коснулась дыханием гибель. Только смертная сеть уж всех захватила, как будто Рыб на морском берегу, на песок прибитых волнами.	675
А аргивяне меж тем из домов выносили богатства, Чтобы свои корабли нагрузить. В опустевших чертогах Все расхищали сокровища. Жен с собой уводили Вместе с детьми как добычу и к морю гнали насильно.	680
И, запалив пожирающий пламень на стенах твердыни, Труд Посейдона в мгновение ока повергли на землю. Так погребальным костром для граждан Трои любимых Город пылающий стал. И, пламень губительный видя, Ксанф зарыдал, из источника брызжа соленую воду, Но уступил он Гефесту, страхась разгневанной Геры.	685
Вскоре, пролив над могилою кровь Поликсены несчастной, Гнев Эакида ¹²³ умершего тем утолили ахейцы. Женщин троянских делили по жребию, и остальное, Золото и серебро, разобрав, в корабли погрузили, Сколько вмещали они. И по тяжкошумящему морю	690
В путь устремились из Трои, войну закончив, ахейцы.	

Список сокращений

Aen. — Vergilius, Aeneis
 Agam. — Aeschilus, Agamemnon
 Alex. — Lycophron, Alexandra
 Bibl. — Pseudo-Apollodorus. Bibliotheca.
 Collut. — Colluthus. Raptio Helenae
 Cyn. — Oppianus Apamameensis, Cynegetica
 Descr. — Pausanias. Graeciae Descriptio
 Dion. — Nonnus, Dionysiaca.

¹²² В «Илиаде» Лаодика названа «прекраснейшей дочерью Приама» (II. 3. 124). Версий ее гибели несколько. Трифиодор избирает ту, которая представлена у Ликофрона (Alex. 314–322), Аполлодора (Erit. 5, 25), Квинта Смирнского (QS 13, 544–551). Согласно другой версии, содержащейся также у Ликофрона (Alex. 494–503), она влюбилась в сына Тесея Акаманта и была уведена им в плен, а потом родила от него сына.

¹²³ Гнев Ахилла. Аллюзия на II. 1, 1. «Илиада» посвящена рассказу о гневе Ахилла, Трифиодор рассказывает о его последствиях.

Epit. — Pseudo-Apollodorus. Bibliotheca. Epitome
Hal. — Oppianus Anazarbensis, Halieutica
Il. — Homerus, Ilias
Od. — Homerus, Odyssea
Op. et di. — Hesiodus. Opera et dies
Orph. Arg. — Argonautica Orphica
Phil. — Sophocles, Philoctetes
QS — Quintus Smirnaeus, Posthomerica.
Theog. — Hesiodus. Theogonia
Thes. — Plutarchus, Theseus
Tr. — Euripides, Troades

Список литературы

- Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского, с предисл. А. Нейхардт, примеч. и словарь С. Ошерова. М., 1984.
Памятники поздней античной поэзии и прозы II–V века. М., 1964. С. 56–61.
Miguélez-Cavero L. Triphiodorus, «The Sack of Troy»: A General Study and Commentary. Berlin; Boston, 2013.
Oppian, Colluthus, Tryphiodorus / A. W. Mair, ed. Cambridge, Massachusetts, 1928. P. 580–632.
Suidae lexicon / A. Adler, ed. Leipzig, 1928–1935. Vol. 1–4 (repr.: Stuttgart, 1967–1971).
Triphiodore. La Prise d'Illion / B. Gerlaud, ed. P., 1982.
Vian F. L'épopée grecque de Quintus de Smyrne à Nonnos de Panopolis // Bulletin de l'Association Guillaume Budé. 1986. № 45. P. 333–343.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo
gumanitarnogo universiteta.
Seriia III: Filologiya.
2021. Vol. 67. P. 99–124
DOI: 10.15382/sturIII202167.99-124

Tatiana Aleksandrova,
Doctor of Sciences in Philology,
A. M. Gorky Institute of World literature
of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya, Moscow
121069, Russian Federation;
St. Tikhon's University for the Humanities
6 Likhov pereulok, Moscow
127051, Russian Federation
tatianaalexandrova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6963-2263

TRIPHODORUS. THE SACK OF ILION

T. ALEKSANDROVA
(RUSSIAN TRANSLATION, INTRODUCTORY ARTICLE, NOTES)

Abstract: This article contains a poetical translation of the epic poem by the late-ancient poet Triphiodorus, *The Sack of Ilion*. For a long time, Triphiodorus had been considered as a poet of “the school of Nonnos” and as his epigone, and his lifetime had been dated to the end of the 5th — beginning of the 6th century. But after the publication in 1972 of

the Oxyrhynchus Papyrus of the 3th century containing a few lines by Triphiodorus, it became clear that his lifetime should be shifted to the 3th century and it was not Nonnus who influenced Triphiodorus, but vice versa. Triphiodorus anticipated some stylistic and metrical innovations of Nonnus. “Suda” conveys some data about Triphiodorus stating that he lived in Egypt, and attributing to him several epic poems, among which only *The Sack of Ilion* has survived. It is a poem containing 691 verses and based on the plot of the *Song of Demodocus* summarised in *Odyssey*. The poem by Triphiodorus can be called “a reconstruction” of Demodocus’ Song. It is also close in content to the last books of the epic *Posthomeric* by Quintus of Smyrna, though it is not a paraphrase but an independent development of the theme. Such Christian authors as Gregory the Nazianzenus and Gregory of Nyssa could be familiar with the poem. This is the first full translation of the poem into Russian.

Keywords: Triphiodorus, The Sack of Ilion, Homer, Nonnus, epic, Late Ancient Poetry.

References

- Miguélez-Cavero L. (2013) *Triphiodorus, “The Sack of Troy”: A General Study and Commentary*. Berlin; Boston.
- Mair A. W. (ed.) (1928) *Oppian, Colluthus, Tryphiodorus*. Cambridge, Massachusetts, 1928, pp. 580–632.
- Pamiatniki pozdnej antichnoj poezii i prozy II–V veka* (1964). Moscow, pp. 56–61 (in Russian).
- Adler A. (ed.) (1928–1935) *Suidae lexicon*. Leipzig, vol. 1–4 (repr.: Stuttgart, 1967–1971).
- Gerlaud B. (ed.) (1982). *Triphiodore, La Prise d’Ilion*. Paris.
- Vian F. (1986) “L’épopée grecque de Quintus de Smyrne à Nonnos de Panopolis”. *Bulletin de l’Association Guillaume Budé*, 1986, no. 45, pp. 333–343.
- Zhukovsky V. (transl.), Neihardt A., Oshero S. (eds) (1984) Gomer. *Odisseia* [Homer. *Odyssey*]. Moscow (in Russian).